

Таможенная война как зеркало русско-германских отношений

130 лет, в 1892 г., назад началась таможенная война России и Германии. Ей предшествовали важные исторические события. В 1870 г. император Франции Наполеон III, попытавшись установить гегемонию в Европе, начал войну с союзом германских государств во главе с Пруссией, но вскоре сам попал в плен, а Франция потерпела сокрушительное поражение.

Воспользовавшись победой, прусский канцлер Бисмарк насильственно, «железом и кровью», преобразовал союз германских государств в Германскую империю (Второй рейх), императором которой стал король Пруссии Вильгельм I, а канцлером – Бисмарк. Провозглашение империи в 1871 году демонстративно состоялось в резиденции французских королей – Версальском дворце. В экономическом и военном отношениях объединённая Германия стала самым мощным государством в Западной Европе.

Сам Бисмарк когда-то сказал, что Пруссия носит слишком тяжёлое вооружение для её маленького тела. Однако и после объединения Германии вооружение всё равно почему-то оказалось слишком тяжёлым, и с тех пор она всё время стремилась увеличить «тело» за счёт соседей.

Россия, помня о французской агрессии в 1853 г. (Крымская война) и о Парижском мирном договоре (1856 г.), запрещавшем ей держать флот на Чёрном море, заняла по отношению к Германии позицию дружественного нейтралитета, надеясь, что в благодарность за это Бисмарк, давно искавший союза с Россией и заверявший её в дружбе, заставит Францию отменить тяжёлые для нас статьи договора. Прогерманские настроения в Петербурге были так сильны, что даже канцлер Горчаков, быстро раскусивший хитрость и коварство Бисмарка и агрессивные устремления Германии, не смог поколебать позиции Александра II. Горчаков, увы, оказался прав.

В 1875 г. в Германии началась пропагандистская истерия по поводу якобы французского реваншизма. Александр II на сей раз расценил ситуацию верно: новый разгром Франции и превращение её в германского вассала разрушит баланс сил в Европе и создаст прямую угрозу безопасности России (Россия непосредственно граничила с Германией), Император вместе с Горчаковым отправился в Берлин, где решительно отказал Германии в поддержке и расставил все точки над и относительно русской позиции. Поддержку России оказали Англия и Австро-Венгрия, так же опасавшиеся усиления Германии (конечно, поддержку негласную, «шёпотом на ушко» – в традициях дипломатического коварства Лондона и Вены).

Бисмарк этого не забыл. В период «Балканского кризиса» 1875 – 78 гг., когда Россия выступала за освобождение славян от турецкого ига, он оказал поддержку Австро-Венгрии, захватившей Боснию и Герцеговину, а по завершении русско-турецкой войны 1877 – 78 гг. организовал международный конгресс в Берлине и сделал всё, чтобы лишить Россию большинства результатов победы.

Дальше – больше. Через год немцы ввели запрет на ввоз скота из России, а затем ввели и пошлины на русский хлеб. Стало очевидно, что Германия проводит антирусскую политику, и разрыв когда-то дружественных отношений становится неизбежным.

Однако, несмотря на политические коллизии, торгово-экономические связи России и Германии бурно развивались. По объёму внешней торговли Германия занимала второе

место после Англии, потребляя 30% русского экспорта. Надо сказать, что немцы как торговые партнёры действовали напористо и порой бесцеремонно. В отличие от других европейцев, они не просто вкладывали инвестиции в создание своих предприятий, но и направляли на них своих агентов – дирекцию и штат технических работников.

В 1882 году Германия, Австро-Венгрия и Италия заключили Тройственный союз, направленный, в первую очередь против Франции, что подтолкнуло последнюю к сближению с Россией. Хотя Бисмарк и сделал первый шаг к разделению Европы на два военно-политических союза, Царь-миротворец Александр III стремился избегать обострения русско-германских отношений, поскольку предстояло закончить реорганизацию и перевооружение Русской Армии, а после русско-турецкой войны казна была истощена.

В 1887 году назревал очередной конфликт Германии с Францией, в который Бисмарк хотел втянуть и Россию, но мудрый Александр III, лично обратившись к Вильгельму I, предотвратил и на этот раз войну, что, однако, вызвало крайнее недовольство Бисмарка. В ответ тот отказал России в займе и резко повысил пошлины на русский хлеб, одновременно снизив пошлины на хлеб американский. Но расчёт канцлера не оправдался: Россия в два раза подняла пошлины на ввозимые немецкие товары. Немцы ещё раз подняли пошлины и вновь получили такой же ответ.

В 1892 – 93 гг. торговля практически прекратилась, обе страны несли огромные убытки, но сломить сопротивление русского правительства немцам не удалось, и тогда они первыми предложили начать переговоры о заключении торгового договора. 10 февраля 1894 года договор был заключён. Притом германская дипломатия предприняла много усилий для восстановления былых отношений, однако доверие России к Германии было безвозвратно подорвано.

Казалось бы, таможенная война закончилась «вничью». Но это не совсем так. Вызывающе беспардонная политика Германии вынудила Россию переориентировать свой политический вектор на Францию, а позднее, уже при Николае II, присоединиться к англо-французскому союзу – «Антанте». На горизонте маячила мировая война. 1 августа 1914 года Германия объявила войну – не Франции и не Англии, а России.

В 1904 г. кайзер Вильгельм II на встрече с русским министром финансов Коковцовым задал тому вопрос: «Скажите, пожалуйста, господин статс-секретарь, неужели вы не считаете просто диким, что среди всеобщего развала, среди постоянных волнений, которые могут снести все, что есть еще консервативного в Европе, две монархические страны не могут соединиться между собой, чтобы составить одно плотное ядро и защищать свое существование? Разве это не прямое безумие, что вместо этого монархическая Россия через голову монархической же Германии ищет опоры в революционной Франции и вместе с нею идет всегда против своего естественного и исторического друга?»

Хороший вопрос. Ведь у России и Германии действительно не было объективных геополитических противоречий, не было глубинных причин для конфронтации, императорские фамилии в Петербурге и Берлине состояли в кровном родстве, а экономики обеих стран гармонично дополняли друг друга. Но задать это вопрос кайзер должен был, прежде всего, самому себе.

Валерий Габрусенко